

Мой спутник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Мой спутник. Максим Горький

I
Встретил я его в одесской гавани. Дня три кряду моё внимание привлекала эта коренастая, плотная фигура и лицо восточного типа, обрамлённое красивой бородкой.

Он то и дело мелькал предо мной: я видел, как он по целым часам стоял на граните мола, засунув в рот набалдашник трости и тоскливо разглядывая мутную воду гавани чёрными миндалевидными глазами; десять раз в день он проходил мимо меня походкой беспечного человека. Кто он?.. Я стал следить за ним. Он же, как бы нарочно поддразнивая меня, всё чаще и чаще попадался мне на глаза, и, наконец, я привык различать издали его модный, клетчатый, светлый костюм и чёрную шляпу, его ленивую походку и тупой, скучный взгляд. Он был положительно необъясним здесь, в гавани, среди свиста пароходов и локомотивов, звона цепей, криков рабочих, в бешено-нервной суতোлке порта, охватывавшей человека со всех сторон. Все люди были озабочены, утомлены, все бегали, в пыли, в поту, кричали, ругались. Среди трудовой сутолки медленно расхаживала эта странная фигура с мертвенно-скучным лицом, равнодушная ко всему, всем чужая.

Наконец, уже на четвёртый день, в обед, я натолкнулся на него и решил во что бы то ни стало узнать, кто он. Расположившись неподалёку от него с арбузом и хлебом, я стал есть и рассматривать его, придумывая, – как бы поделикатнее завязать с ним беседу?

Он стоял, прислонясь к груди цыбиков чая, и, бесцельно поглядывая вокруг себя, барабанил пальцами по своей трости, как по флейте.

Мне, человеку в костюме босяка, с ляжкой грузчика на спине и перепачканному в угольной пыли, трудно было вызвать его, франта, на разговор. Но, к моему удивлению, я увидел, что он не отрывает глаз от меня и они разгораются у него неприятным, жадным, животным огнём. Я решил, что объект моих наблюдений голоден, и, быстро оглянувшись вокруг, спросил его тихонько:

– Хотите есть?

Он вздрогнул, алчно оскалил чуть не сотню плотных, здоровых зубов и тоже подозрительно оглянулся.

На нас никто не обращал внимания. Тогда я сунул ему пол-арбуза и кусок пшеничного хлеба. Он схватил всё это и исчез, присев за грудку товара. Иногда оттуда высовывалась его голова в шляпе, сдвинутой на затылок, открывавшей смуглый, потный лоб. Его лицо блестело от широкой улыбки, и он почему-то подмигивал мне, ни на секунду не переставая жевать. Я сделал ему знак подождать меня, ушёл купить мяса, купил, принёс, отдал ему и стал около ящиков так, что совершенно скрыл франта от посторонних взглядов.

До этого он ел и всё хищно оглядывался, точно боялся, что у него отнимут кусок; теперь он стал есть спокойнее, но всё-таки так быстро и жадно, что мне стало больно смотреть на этого изголодавшегося человека, и я повернулся спиной к нему.

– Благодарю! Очэн благодарю! – Он потряс меня за плечо, потом схватил мою руку, стиснул её и тоже жестоко стал трясти.

Через пять минут он уже рассказывал мне, кто он.

Грузин, князь Шакро Птадзе, один сын у отца, богатого кутаисского помещика, он служил конторщиком на одной из станций Закавказской железной дороги и жил вместе с товарищем. Этот товарищ вдруг исчез, захватив с собой деньги и ценные вещи князя Шакро, и вот князь пустился догонять его. Как-то случайно он узнал, что товарищ взял билет до Батума; князь Шакро отправился туда же. Но в Батуме оказалось, что товарищ поехал в Одессу. Тогда князь Шакро взял у некоего Ваню Сванидзе, парикмахера, – тоже товарища, одних лет с собой, но не похожего по приметам, – паспорт и двинулся в Одессу. Тут он заявил полиции о краже, ему обещали найти, он ждал две недели, проел все свои деньги и вот уже вторые сутки

не ел ни крошки.

Я слушал его рассказ, перемешанный с ругательствами, смотрел на него, верил ему, и мне было жалко мальчика, – ему шёл двадцатый год, а по наивности можно было дать ещё меньше. Часто и с глубоким негодованием он упоминал о крепкой дружбе, связывавшей его с вором-товарищем, укравшим такие вещи, за которые суровый отец Шакро наверное «зарэжет» сына «кынжалом», если сын не найдёт их. Я подумал, что, если не помочь этому малому, жадный город засосёт его. Я знал, какие иногда ничтожные случайности пополняют класс босяков; а тут для князя Шакро были налицо все шансы попасть в это почтенное, но не чтимое сословие. Мне захотелось помочь ему. Я предложил Шакро пойти к полицеймейстеру просить билет, он замялся и сообщил мне, что не пойдёт. Почему?

Оказалось, что он не заплатил денег хозяину номеров, в которых стоял, а когда с него потребовали денег, он ударил кого-то; потом он скрылся и теперь справедливо полагает, что полиция не скажет ему спасибо за неплатёж этих денег и за удар; да, кстати, он и нетвёрдо помнит – один удар или два, три или четыре нанёс он.

Положение осложнялось. Я решил, что буду работать, пока не заработаю достаточно денег для него на проезд до Батума, но – увы! – оказалось, что это случилось бы не очень скоро, ибо проголодавшийся Шакро ел за троих и больше.

В то время, вследствие наплыва «голодающих», подённые цены в гавани стояли низко, и из восьмидесяти копеек заработка мы вдвоём проедали шестьдесят. К тому же, ещё до встречи с князем, я решил пойти в Крым, и мне не хотелось оставаться надолго в Одессе. Тогда я предложил князю Шакро пойти со мной пешком на таких условиях: если я не найду ему попутчика до Тифлиса, то сам доведу его, а если найду, мы распростимся.

Князь посмотрел на свои щегольские ботинки, на шляпу, на брюки, погладил курточку, подумал, вздохнул не раз и, наконец, согласился. И вот мы с ним отправились из Одессы в Тифлис.

II

Когда мы пришли в Херсон, я знал моего спутника как малого наивно-дикого, крайне неразвитого, весёлого – когда он был сыт, унылого – когда голоден, знал его как сильное, добродушное животное.

Дорогой он рассказывал мне о Кавказе, о жизни помещиков-грузин, о их забавах и отношении к крестьянам. Его рассказы были интересны, своеобразно красивы, но рисовали предо мной рассказчика крайне нелестно для него. Рассказывает он, например, такой случай: к одному богатому князю съехались соседи на пирушку; пили вино, ели чурек и шашлык, ели лаваш и пилав, и потом князь повёл гостей в конюшню. Оседлали коней.

Князь взял себе лучшего и пустил его по полю. Горячий конь был! Гости хвалят его стати и быстроту, князь снова скачет, но вдруг в поле выносятся крестьянин на белой лошади и обгоняет коня князя, – обгоняет и... гордо смеётся. Стыдно князю перед гостями!.. Сдвинул он сурово брови, подозвал жестом крестьянина, и когда тот подъехал к нему, то ударом шашки князь срубил ему голову и выстрелом из револьвера в ухо убил коня, а потом объявил о своём поступке властям. И его осудили в каторгу...

Шакро передаёт мне это тоном сожаления о князе. Я пытаюсь ему доказать, что жалеть тут нечего, но он поучительно говорит мне:

– Кназей мало, крестьян много. За одного крестьянина нельзя судить князя.

Что такое крестьянин? Вот! – Шакро показывает мне комок земли. – А князь – как звезда!

Мы спорим, он сердится. Когда он сердится, то оскаливает зубы, как волк, и лицо у него делается острым.

– Молчи, Максим! Ты не знаешь кавказской жизни! – кричит он мне.

Мои доводы бессильны пред его непосредственностью, и то, что для меня было ясно, ему – смешно. Когда я ставил его в тупик доказательствами превосходства моих

Мой спутник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
взглядов, он не задумывался, а говорил мне:

– Ступай на Кавказ, живи там. Увидишь, что я сказал правду. Все так делают, значит – так нужно. Зачем я буду тебе верить, если ты один только говоришь – это не так, – а тысячи говорят – это так?

Тогда я молчал, понимая, что нужно возражать не словами, а фактами человеку, который верит в то, что жизнь, какова она есть, вполне законна и справедлива. Я молчал, а он с восхищением, чмокая губами, говорил о кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти рассказы, интересуя и увлекая меня, в то же время возмущали и бесили своей жестокостью, поклонением богатству и грубой силе. Как-то раз я спросил его: знает ли он учение Христа?

– Канэчно! – пожав плечами, ответил он.

Но далее оказалось, что он знает столько: был Христос, который восстал против еврейских законов, и евреи распяли его за это на кресте. Но он был бог и потому не умер на кресте, а вознёсся на небо и тогда дал людям новый закон жизни...

– Какой? – спросил я.

Он посмотрел на меня с насмешливым недоумением и спросил:

– Ты христиэнин? Ну! Я тоже христиэнин. На зэмлэ почти всэ христиээнэ. Ну, что ты спрашиваешь? Видишь, как всэ живут?.. Это и есть закон Христа.

Я, возбуждённый, стал рассказывать ему о жизни Христа. Он слушал сначала со вниманием, потом оно постепенно ослабевало и, наконец, заключилось зевком.

Видя, что меня не слушает его сердце, я снова обращался к его уму и говорил с ним о выгодах взаимопомощи, о выгодах знания, о выгодах законности, о выгодах, всё о выгодах... Но мои доводы разбивались в пыль о каменную стену его миропонимания.

– Кто силён, тот сам себе закон! Ему не нужно учиться, он, и слепой, найдёт свой дорога! – лениво возразил мне князь Шакро.

Он умел быть верным самому себе. Это возбуждало во мне уважение к нему; но он был дик, жесток, и я чувствовал, как у меня иногда вспыхивала ненависть к Шакро. Однако я не терял надежды найти точку соприкосновения между нами, почву, на которой мы оба могли бы сойтись и понять друг друга.

Мы прошли Перекоп и подходили к Яйле. Я мечтал о южном берегу Крыма, князь, напевая сквозь зубы странные песни, был хмур. У нас вышли все деньги, заработать пока было негде. Мы стремились в Феодосию, там в то время начинались работы по устройству гавани.

Князь говорил мне, что и он тоже будет работать и что, заработав денег, мы поедем морем до Батума. В Батуме у него много знакомых, и он сразу найдёт мне место дворника или сторожа. Он хлопал меня по плечу и покровительственно говорил, сладко прищёлкивая языком:

– Я тэбэ устрою т-такую жизнь! Цце, цце! Вино бу-дэшь пить – сколько хочэшь, баранины – сколько хо-чэшь! Жэнишься на грузынкэ, на толстой грузынкэ, цце, цце, цце!.. Она тэбэ будэт лаваш печь, дэтэй родить, много дэтэй, цце, цце!

Это «цце, цце!» сначала удивляло меня, потом стало раздражать, потом уже доводило до тоскливого бешенства. В России таким звуком подманивают свиней, на Кавказе им выражают восхищение, сожаление, удовольствие, горе.

Шакро уже сильно потрепал свой модный костюм, и его ботинки лопнули во многих местах. Трость и шляпу мы продали в Херсоне. Вместо шляпы он купил себе старую фуражку железнодорожного чиновника.

Когда он в первый раз надел её на голову, – надел сильно набекрень, – то спросил меня:

– Идэт на мэна? Красыво?

III

И вот мы в Крыму, прошли Симферополь и направились к Ялте.

Я шёл в немом восхищении перед красотой природы этого куска земли, ласкаемого морем. Князь вздыхал, горевал и, бросая вокруг себя печальные взгляды, пытался набивать свой пустой желудок какими-то странными ягодами. Знакомство с их питательными свойствами не всегда сходило ему с рук благополучно, и часто он со злым юмором говорил мне:

– Если мэна вывэрнэт наизнанку, как пойду далшэ? а? Скажи – как?

Возможности что-либо заработать нам не представлялось, и мы, не имея ни гроша на хлеб, питались фруктами и надеждами на будущее, а Шакро начинал уже упрекать меня в лени и в «роторазэвайствэ», как он выражался. Он вообще становился тяжёл, но больше всего угнетал меня рассказами о своём баснословном аппетите. Оказывалось, что он, позавтракав в двенадцать часов «маленким барашкэм», с тремя бутылками вина, в два часа мог без особых усилий съесть за обедом три тарелки какой-то «чахахбили» или «чихиртмы», миску пилава, шампур шашлыка, «сколки хочишь толмы» и ещё много разных кавказских яств и при этом выпивал вина – «сколко хотэл». Он по целым дням рассказывал мне о своих гастрономических наклонностях и познаниях, – рассказывал чмокая, с горящими глазами, оскаливая зубы, скрипя ими, звучно втягивая в себя и глотая голодную слюну, в изобилии брызгавшую из его красноречивых уст.

Как-то раз, около Ялты, я нанялся вычистить фруктовый сад от срезанных сучьев, взял вперёд за день плату и на всю полтину купил хлеба и мяса. Когда я принёс купленное, меня позвал садовник, и я ушёл, сдав покупки эти Шакро, который отказался от работы под предлогом головной боли. Возвратившись через час, я убедился, что Шакро, говоря о своём аппетите, не выходил из границ правды: от купленного мной не осталось ни крошки. Это был нетоварищеский поступок, но я смолчал, – на моё горе, как оказалось впоследствии.

Шакро, заметив моё молчание, воспользовался им по-своему. С этого времени началось нечто удивительно нелепое. Я работал, а он, под разными предложениями отказываясь от работы, ел, спал и понукал меня. Мне было смешно и грустно смотреть на него, здорового парня; когда я, усталый, возвращался, кончив работу, к нему, где-нибудь в тенистом уголке дожидавшемуся меня, он так жадно щупал меня глазами! Но ещё грустнее и обиднее было видеть, что он смеётся надо мной за то, что я работаю. Он смеялся, потому что выучился просить Христа ради. Когда он начал собирать милостыню, то сначала конфузился меня, а потом, когда мы подходили к татарской деревушке, он стал на моих глазах приготавливаться к сбору. Для этого он опирался на палку и волочил ногу по земле, как будто она у него болела, зная, что дорогие татары не подадут здоровому парню. Я спорил с ним, доказывая ему постыдность такого занятия...

– Я нэ умею работать! – кратко возражал он мне.

Ему подавали скудно. Я в то время начинал прихварывать. Путь становился труднее день ото дня, и мои отношения с Шакро всё тяжелей. Он теперь уж настоятельно требовал, чтоб я его кормил.

– Ты мэна вэдешь? Вэди! Разве можно так далэко мэна ийти пэшком? Я нэ привык.

Я умэрэть могу от этого! Что ты мэна мучаишь, убиваишь? Эсли я вумру, как будит всэ? Мать будит плакать, атэц будит плакать, товарищы будут плакать! Сколько это слэз?

Я слушал такие речи, но не сердился на них. В то время во мне начала закрадываться странная мысль, побуждавшая меня выносить всё это. Бывало – спит он, а я сажу рядом с ним и, рассматривая его спокойное, неподвижное лицо, повторяю про себя, как бы догадываясь о чём-то:

– Мой спутник... спутник мой...

И в сознании моём порою смутно возникала мысль, что Шакро только пользуется своим правом, когда он так уверенно и смело требует от меня помощи ему и забот о нём. В этом требовании был характер, была сила. Он меня поработал, я ему

Мой спутник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
поддавался и изучал его, следил за каждой дрожью его физиономии, пытаюсь предстать себе, где и на чём он остановится в этом процессе захвата чужой личности. Он же чувствовал себя прекрасно, пел, спал и подсмеивался надо мной, когда ему этого хотелось. Иногда мы с ним расходились дня на два, на три в разные стороны; я снабжал его хлебом и деньгами, если они были, и говорил, где ему ожидать меня. Когда мы сходились снова, то он, проводивший меня подозрительно и с грустной злобой, встречал так радостно, торжествуя и всегда, смеясь, говорил:

– Я думал, ты убёжал адын, бросил мэня! Ха, ха, ха!..

Я давал ему есть, рассказывал о красивых местах, которые видел, и раз, говоря о Бахчисарае, кстати рассказал о Пушкине и привел его стихи. На него не производило всё это никакого впечатления.

– Э, стихи! Это пэсни, не стихи! Я знал одного человека, грузина, тот пэл пэсни! Это пэсни!.. Запоёт – ай, ай, ай!.. Громко... очэн громко пэл! Точно у него в горлэ кинжалом ворочают!.. Он зарезал одного духанщика, Сибирь тепэр пошёл.

После каждого возвращения к нему я всё больше и ниже падал в его мнении, и он не умел скрывать этого от меня.

Дела наши шли нехорошо. Я еле находил возможность заработать рубль-полтора в неделю, и, разумеется, этого было менее чем мало двоим. Сборы Шакро не делали экономии в пище. Его желудок был маленькою пропастью, поглощавшей всё без разбора – виноград, дыни, солёную рыбу, хлеб, сушёные фрукты, – и от времени она как бы всё увеличивалась в объёме и всё больше требовала жертв.

Шакро стал торопить меня уходить из Крыма, резонно заявляя мне, что уже – осень, а путь ещё далёк. Я согласился с ним. К тому же я успел посмотреть эту часть Крыма, и мы пошли на Феодосию, в чайнии «зашибить» там «деньгу», которой у нас всё-таки не было.

Отходя вёрст двадцать от Алушты, мы остановились ночевать. Я уговорил Шакро идти берегом, хотя это был длиннейший путь, но мне хотелось надыхаться морем. Мы разожгли костёр и лежали около него. Вечер был дивный. Тёмно-зелёное море билось о скалы внизу под нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокруг нас тихо шумели кустарники и деревья. Исходила луна. От узорчатой зелени чинар пали тени.

Пела какая-то птица, задорно и звучно. Её серебряные трели таяли в воздухе, полном тихого и ласкового шума волн, и, когда они исчезали, слышалось нервное стрекотанье какого-то насекомого. Костёр горел весело, и его огонь казался большим пылающим букетом красных и жёлтых цветов. Он тоже рождал тени, и эти тени весело прыгали вокруг нас, как бы рисуясь своею живостью пред ленивыми тенями луны. Широкий горизонт моря был пустынен, небо над ним безоблачно, и я чувствовал себя на краю земли, созерцающим пространство – эту чарующую душу загадку... Пугливое чувство близости к чему-то великому наполняло мою душу, и сердце трепетно замирало.

Вдруг Шакро громко расхохотался:

– Ха, ха, ха!.. Какой тебэ глупая рожа! Савсэм как у барана! А, ха, ха, ха!..

Я испугался, точно надо мной внезапно грянул гром. Но это было хуже. Это было смешно, да, но – как же это было обидно!.. Он, Шакро, плакал от смеха; я чувствовал себя готовым плакать от другой причины. У меня в горле стоял камень, я не мог говорить и смотрел на него дикими глазами, чем ещё больше усиливал его смех. Он катался по земле, поджав живот; я же всё ещё не мог придти в себя от нанесённого мне оскорбления..

Мне была нанесена тяжкая обида, и те немногие, которые, я надеюсь, поймут её, – потому что, может быть, сами испытали нечто подобное, – те снова взвешают в своей душе эту тяжесть.

– Перестань!! – бешено крикнул я.

Он испугался, вздрогнул, но всё ещё не мог сдержаться, пароксизмы смеха всё ещё

Мой спутник. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

схватывали его, он надувал щёки, тарасил глаза и вдруг снова разражался хохотом. Тогда я встал и пошёл прочь от него. Я шёл долго, без дум, почти без сознания, полный жгучим ядом обиды. Я обнимал всю природу и молча, всей душой объяснял ей в любви, в горячей любви человека, который немножко поэт... а она, в лице Шакро, расхохоталась надо мной за моё увлечение! Я далеко зашёл бы в составлении обвинительного акта против природы, Шакро и всех порядков жизни, но за мной раздалась быстрые шаги.

– Не сэрдысь! – сконфуженно произнёс Шакро, тихонько касаясь моего плеча.

– Ты молился? Я нэ знал.

Он говорил робким тоном нашалившего ребёнка, и я, несмотря на моё возбуждение, не мог не видеть его жалкой физиономии, смешно искривлённой смущением и страхом.

– Я тэбя нэ трону болше. Вэрно! Ныкогда!

Он отрицательно тряс головой.

– Я выжу, ты смиренный. Работаешь. Мэня не заставляешь. Думаю – почему?

Значит – глупый он, как баран...

Это он меня утешал! Это он извинялся предо мной! Конечно, после таких утешений и извинений мне ничего не оставалось более, как простить ему не только прошлое, но и будущее.

Через полчаса он крепко спал, а я сидел рядом с ним и смотрел на него. Во сне даже сильный человек кажется беззащитным и беспомощным, – Шакро был жалок. Толстые губы, вместе с поднятыми бровями, делали его лицо детским, робко удивлённым. Дышал он ровно, спокойно, но иногда возился и бредил, говоря просительно и торопливо по-грузински.

Вокруг нас царил та напряжённая тишина, от которой всегда ждёшь чего-то и которая, если б могла продолжаться долго, сводила бы с ума человека своим совершенным покоем и отсутствием звука, этой яркой тени движения. Тихий шорох волн не долетал до нас, – мы находились в какой-то яме, поросшей цепкими кустарниками и казавшейся мохнатым зевом окаменевшего животного. Я смотрел на Шакро и думал:

«Это мой спутник... Я могу бросить его здесь, но не могу уйти от него, ибо имя ему – легион... Это спутник всей моей жизни... он до гроба проводит меня...»

Феодосия обманула наши ожидания. Когда мы пришли, там было около четырёхсот человек, чаявших, как и мы, работы и тоже принуждённых удовлетвориться ролью зрителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, смоленцы, полтавцы. Всюду – и в городе, и вокруг него – бродили группами серые, удручённые фигуры «голодающих» и рыскали волчьей рысью азовские и таврические босяки.

Мы пошли в Керчь.

Мой спутник держал своё слово и не трогал меня; но он сильно голодал и прямо-таки по-волчьи щёлкал зубами, видя, как кто-нибудь ел, приводя меня в ужас описаниями количеств разной пищи, которую он готов был проглотить. С некоторых пор он начал вспоминать о женщинах. Сначала вскользь, со вздохами сожаления, потом чаще, с алчными улыбками «восточного чэлавэка», он, наконец, дошёл до того, что не мог уже пропустить мимо себя ни одной особы женского пола, каких бы лет и наружности она ни была, чтоб не поделиться со мной какой-нибудь практически-философской сальностью по поводу той или другой её статьи. Он трактовал о женщинах так свободно, с таким знанием предмета и смотрел на них с такой удивительно прямой точки зрения, что я только отплёвывался. Однажды я попробовал доказать ему, что женщина – существо ничем не худшее его, но, видя, что он не только обижается на меня за мои взгляды, а даже готов придти в бешенство за унижение, каковому, по его мнению, я подвергал его, – оставил мои попытки до поры, пока он будет сыт.

На Керчь мы шли уже не берегом, а степью, в видах сокращения пути, в котомке у нас была всего только одна ячменная лепёшка фунта в три, купленная у татарина на

Мой спутник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
последний наш пятак. Попытки Шакро просить хлеба по деревням не приводили ни к чему, везде кратко отвечали: «Много вас!..» Это была великая истина: действительно, до ужаса много было людей, искавших куска хлеба в этот тяжёлый год.

Мой спутник терпеть не мог «голодающих» – конкурентов ему в сборе милостыни.

Запас его жизненных сил, несмотря на трудность пути и плохое питание, не позволял ему приобрести такого испитого и жалкого вида, каким они, по справедливости, могли гордиться как некоторым совершенством, и он, ещё издали видя их, говорил:

– Опэт идут! Фу, фу, фу! Чэго ходят? Чэго едут? Развэ Россия тэсна? Нэ понимаю! Очень глупый народ России!

И когда я объяснял ему причины, побудившие глупый русский народ ходить по Крыму в поисках хлеба, он, недоверчиво качая головой, возражал:

– Нэ понимаю! Какы можно!.. У нас в Грузии нэ бывает таких глупостэй!

Мы пришли в Керчь поздно вечером и принуждены были ночевать под мостками с паровой пристани на берег. Нам не мешало спрятаться: мы знали, что из Керчи, незадолго до нашего прихода, был вывезен весь лишний народ – босяки, мы побаивались, что попадём в полицию; а так как Шакро путешествовал с чужим паспортом, то это могло повести к серьёзным осложнениям в нашей судьбе.

Волны пролива всю ночь щедро осыпали нас брызгами, на рассвете мы вылезли из-под мостков мокрые и иззябшие. Целый день ходили мы по берегу, и всё, что удалось заработать, – это гривенник, полученный мною с какой-то пощады, которой я отнёс мешок дынь с базара.

Нужно было переправиться через пролив в Тамань. Ни один лодочник не соглашался взять нас гребцами на тот берег, как я ни просил об этом. Все были восстановлены против босяков, незадолго перед нами натворивших тут много геройских подвигов, а нас, не без основания, причисляли к их категории.

Когда настал вечер, я, со зла на свои неудачи и на весь мир, решился на несколько рискованную штуку и с наступлением ночи привёл её в исполнение.

IV

Ночью я и Шакро тихонько подошли к таможенной брандвахте, около которой стояли три шлюпки, привязанные цепями к кольцам, ввинченным в каменную стену набережной.

Было темно, дул ветер, шлюпки толкались одна о другую, цепи звенели... Мне было удобно раскатать кольцо и выдернуть его из камня.

Над нами, на высоте аршин пяти, ходил таможенный солдат-часовой и насвистывал сквозь зубы. Когда он останавливался близко к нам, я прекращал работу, но это было излишней осторожностью; он не мог предположить, что внизу человек сидит по горло в воде. К тому же цепи стучали непрерывно и без моей помощи. Шакро уже растянулся на дне шлюпки и шептал мне что-то, чего я не мог разобрать за шумом волн. Кольцо в моих руках... Волна подхватила лодку и отбросила её от берега. Я держался за цепь и плыл рядом с ней, потом влез в неё. Мы сняли две настоящие доски и, укрепив их в уключинах вместо вёсел, поплыли...

Играли волны, и Шакро, сидевший на корме, то пропадал из моих глаз, проваливаясь вместе с кормой, то подымался высоко надо мной и, крича, почти падал на меня. Я посоветовал ему не кричать, если он не хочет, чтобы часовой услышал его. Тогда он замолчал. Я видел белое пятно на месте его лица. Он всё время держал руль. Нам некогда было переменитьсь ролями, и мы боялись переходить по лодке с места на место. Я кричал ему, как ставить лодку, и он, сразу понимая меня, делал всё так быстро, как будто родился моряком. Доски, заменявшие весла, мало помогали мне. Ветер дул в корму нам, и я мало заботился о том, куда нас несёт, стараясь только, чтобы нос стоял поперёк пролива. Это было легко установить, так как ещё были видны огни Керчи. Волны заглядывали к нам через борта и сердито шумели; чем дальше выносило нас в пролив, тем они становились выше. Вдали слышался уже рёв, дикий и грозный... А лодка всё неслась – быстрее и быстрее, было очень трудно

держат курс. Мы то и дело проваливались в глубокие ямы и взлетали на водяные бугры, а ночь становилась всё темней, тучи опускались ниже.

Огни за кормой пропали во мраке, и тогда стало страшно. Казалось, что пространство гневной воды не имело границ. Ничего не было видно, кроме волн, летевших из мрака.

Они вышибли одну доску из моей руки, я сам бросил другую на дно лодки и крепко схватился обеими руками за борта. Шакро выл диким голосом каждый раз, как лодка подпрыгивала вверх. Я чувствовал себя жалким и бессильным в этом мраке, окружённый разгневанной стихией и оглушаемый её шумом. Без надежды в сердце, охваченный злым отчаянием, я видел вокруг только эти волны с беловатыми гривами, рассыпавшимися в солёные брызги, и тучи надо мной, густые, лохматые, тоже были похожи на волны... Я понимал лишь одно: всё, что творится вокруг меня, может быть неизмеримо сильнее и страшнее, и мне было обидно, что оно сдерживается и не хочет быть таким. Смерть неизбежна. Но этот бесстрастный, всё нивелирующий закон необходимо чем-нибудь скрашивать – уж очень он тяжёл и груб. Если бы мне предстояло сгореть в огне или утонуть в болотной трясине, я постарался бы выбрать первое – всё-таки как-то приличнее...

.....
– Поставим парус! – крикнул Шакро.

– Где он? – спросил я.

– Из моего чэкмэня...

– Бросай его сюда! Не выпускай руля!..

Шакро молча завозился на корме.

– Дэржы!..

Он бросил мне свой чекмень. Кое-как ползая по дну лодки, я оторвал от наста ещё доску, надел на неё рукав плотной одежды, поставил её к скамье лодки, припёр ногами и только что взял в руки другой рукав и полу, как случилось нечто неожиданное...

Лодка прыгнула как-то особенно высоко, потом полетела вниз, и я очутился в воде, держа в одной руке чекмень, а другой уцепившись за верёвку, протянутую по внешней стороне борта. Волны с шумом прыгали через мою голову, я глотал солёно-горькую воду.

Она наполнила мои уши, рот, нос... Крепко вцепившись руками в верёвку, я поднимался и опускался на воде, стучаясь головой о борт, и, вскинув чекмень на дно лодки, старался вспрыгнуть на него сам. Одно из десятка моих усилий удалось, я оседлал лодку и тотчас же увидел Шакро, который кувыркался в воде, уцепившись обеими руками за ту же верёвку, которую я только что выпустил. Она, оказалось, обходила всю лодку кругом, продетая в железные кольца бортов.

– Жив! – крикнул я ему.

Он высоко подпрыгнул над водой и также брякнулся на дно лодки. Я подхватил его, и мы очутились лицом к лицу друг с другом. Я сидел на лодке, точно на коне, всунув ноги в бечёвки, как в стремя, – но это было ненадёжно: любая волна легко могла выбить меня из седла. Шакро уцепился руками за мои колени и ткнулся головой мне в грудь. Он весь дрожал, и я чувствовал, как тряслись его челюсти. Нужно было что-то делать! Дно было скользко, точно смазанное маслом. Я сказал Шакро, чтоб он спускался снова в воду, держась за верёвки с одного борта, а я так же устроюсь на другом. Вместо ответа он начал толкать меня головой в грудь. Волны в дикой пляске то и дело прыгали через нас, и мы еле держались; одну ногу мне страшно резало верёвкой.

Всюду в поле зрения рождались высокие бугры воды и с шумом исчезали.

Я повторил сказанное уже тоном приказания. Шакро ещё сильнее стал стучать меня своей головой в грудь. Медлить было нельзя. Я оторвал от себя его руки одну за

Мой спутник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
другой и стал толкать его в воду, стараясь, чтоб он задел своими руками за верёвки. И тут произошло нечто, испугавшее меня больше всего в эту ночь.

– Топишь мэня? – прошептал Шакро и взглянул мне в лицо.

Это было действительно страшно! Страшен был его вопрос, ещё страшнее тон вопроса, в котором звучала и робкая покорность, и просьба пощады, и последний вздох человека, потерявшего надежду избежать рокового конца. Но ещё страшнее были глаза на мертвенно-бледном мокром лице!..

Я крикнул ему:

– Держись крепче! – и спустился в воду сам, держась за верёвку. Я ударился о что-то ногой и в первый момент не мог ничего понять от боли. Но потом понял. Во мне вспыхнуло что-то горячее, я опьянел и почувствовал себя сильным, как никогда...

– Земля! – крикнул я.

Может быть, великие мореплаватели, открывавшие новые земли, кричали при виде их это слово с большим чувством, чем я, но сомневаюсь, чтоб они могли кричать громче меня. Шакро завыл и бросился в воду. Но оба быстро охладели: воды было ещё по грудь нам, и нигде не виделось каких-либо более существенных признаков сухого берега. Волны здесь были слабее и уже не прыгали, а лениво перекачивались через нас. К счастью, я не выпустил из рук шлюпки. И вот мы с Шакро стали по её бортам и, держась за спасательные веревки, осторожно пошли куда-то, ведя за собой лодку.

Шакро бормотал что-то и смеялся. Я озабоченно поглядывал вокруг. Было темно.

Сзади и справа от нас шум волн был сильнее, впереди и влево – тише; мы пошли влево.

Почва была твёрдая, песчаная, но вся в ямах; иногда мы не доставали дна и гребли ногами и одной рукой, другой держась за лодку; иногда воды было только по колено.

На глубоких местах Шакро выл, а я дрожал в страхе. И вдруг – спасение! – впереди нас засверкал огонь...

Шакро заорал что есть мочи; но я твёрдо помнил, что лодка казённая, и тотчас же заставил его вспомнить об этом. Он замолчал, но через несколько минут раздалось его рыдания. Я не мог успокоить его – нечем было.

Воды становилось всё меньше... по колено... по щиколотки... Мы всё тащили казённую лодку; но тут у нас не стало сил, и мы бросили её. На пути у нас лежала какая-то чёрная коряга. Мы перепрыгнули через неё – и оба босыми ногами попали в какую-то колючую траву. Это было больно и со стороны земли – негостеприимно, но мы не обращали на это внимания и побежали на огонь. Он был в версте от нас и, весело пылая, казалось, смеялся навстречу нам.

V

...Три громадные, кудлатые собаки, выскочив откуда-то из тьмы, бросились на нас. Шакро, всё время судорожно рыдавший, взвыл и упал на землю. Я швырнул в собак мокрым чекменём и наклонился, шаря рукой камня или палки. Ничего не было, только трава колола руки. Собаки дружно наскокивали. Я засвистал что есть мочи, вложив в рот два пальца. Они отскочили, и тотчас же послышался топот и говор бегущих людей.

Через несколько минут мы были у костра в кругу четырёх чабанов, одетых в овчины шерстью вверх.

Двое сидели на земле и курили, один – высокий, с густой чёрной бородой и в казацкой папахе – стоял сзади нас, опершись на палку с громадной шишкой из корня на конце; четвёртый, молодой русский парень, помогал плакавшему Шакро раздеваться.

Саженья в пяти от нас земля на большом пространстве была покрыта толстым пластом чего-то густого, серого и волнообразного, похожего на весенний, уже начавший

Мой спутник. Максим Горький gorkiytext.ru
таять, снег. Только долго и пристально всматриваясь, можно было разобрать отдельные фигуры овец, плотно прильнувших одна к другой. Их было тут несколько тысяч, сдавленных сном и мраком ночи в густой, тёплой и толстой пласт, покрывавший степь. Иногда они блеяли жалобно и пугливо...

Я сушил чекмень над огнём и говорил чабанам всё по правде, рассказал и о способе, которым добыл лодку.

– Где ж она, та лодка? – спросил меня суровый седой старик, не сводивший с меня глаз.

Я сказал.

– Пойди, Михал, взглянь!..

Михал, – тот, чернобородый, – вскинул палку на плечо и отправился к берегу.

Шакро, дрожавший от холода, попросил меня дать ему тёплый, но ещё мокрый чекмень, но старик сказал:

– Годи! Побегай прежде, чтоб разогреть кровь. Беги круг костра, ну!

Шакро сначала не понял, но потом вдруг сорвался с места и, голый, начал танцевать дикий танец, мячиком перелетая через костёр, кружась на одном месте, топя ногами о землю, крича во всю мочь, размахивая руками. Это была уморительная картина.

Двое чабанов покатывались по земле, хохоча во всё горло, а старик с серьёзным, невозмутимым лицом старался отбивать ладонями такт пляски, но не мог его уловить, присматривался к танцу Шакро, качая головой и шевеля усами, и всё покрикивал густым басом:

– Гай-га! Так, так! Гай-га! Буц, буц!

Освещённый огнём костра, Шакро извивался змейёй, прыгал на одной ноге, выбивал дробь обеими, и его блестящее в огне тело покрывалось крупными каплями пота, они казались красными, как кровь.

Теперь уже все трое чабанов били в ладони, а я, дрожа от холода, сушился у костра и думал, что переживаемое приключение сделало бы счастливым какого-нибудь поклонника Купера и Жюль Верна: кораблекрушение, и гостеприимные аборигены, и пляска дикаря вокруг костра...

Вот Шакро уже сидит на земле, закутанный в чекмень, и ест что-то, поглядывая на меня чёрными глазами, в которых искрилось нечто, возбуждавшее во мне неприятное чувство. Его одежда сушилась, повешенная на палки, воткнутые в землю около костра.

Мне тоже дали есть хлеба и солёного сала.

Пришёл Михал и молча сел рядом со стариком.

– Ну? – спросил старик.

– Есть лодка! – кратко сказал Михал.

– Её не смоят?

– Нет!

И они все замолчали, разглядывая меня.

– Что ж, – спросил Михал, ни к кому собственно не обращаясь, – свести их в станицу к атаману? – А может, – прямо к таможенным?

Ему не ответили. Шакро ел спокойно.

– Можно к атаману свести... и к таможенным тоже... И то гарно, и другое, – сказал,

помолчав, старик.

– Погоди, дед... – начал я.

Но он не обратил на меня никакого внимания.

– Вот так-то! Михал! Лодка там?

– Эге, там...

– Что ж... её не смоеет вода?

– Ни... не смоеет.

– Так и пускай её стоит там. А завтра лодочники поедут до Керчи и захватят её с собой. Что ж бы им не захватить пустую лодку? Э? Ну вот... А теперь вы... хлопцы-рванцы... того... як его?.. Не боялись вы оба? Нет? Те-те!.. А ещё бы полверсты, то и быть бы вам в море. Что ж бы вы поделали, коли б выкинуло в море? А? Утонули бы, как топоры, оба!.. Утонули бы, и – всё тут.

Старик замолчал и с насмешливой улыбкой в усах взглянул на меня.

– Что ж ты молчишь, парнюга?

Мне надоели его рассуждения, которые я, не понимая, принимал за издевательство над нами.

– Да вот слушаю тебя! – сказал я довольно сердито.

– Ну, и что ж? – поинтересовался старик.

– Ну, и ничего.

– А чего ж ты дразнишься? Разве то порядок дразнить старшего, чем сам ты?

Я промолчал.

– А есть ты не хочешь ещё? – продолжал старик.

– Не хочу.

– Ну, не ешь. Не хочешь – и не ешь. А может, на дорогу взял бы хлеба?

Я вздрогнул от радости, но не выдал себя.

– На дорогу взял бы... – спокойно сказал я.

– Эге!.. Так дайте ж им на дорогу хлеба и сала там... А может, ещё что есть? то и этого дайте.

– А разве ж они пойдут? – спросил Михал.

Остальные двое подняли глаза на старика.

– А чего ж бы им с нами делать?

– Да ведь к атаману мы их хотели... а то – к таможенным... – разочарованно заявил Михал.

Шакро завозился около костра и любопытно высунул голову из чекменя. Он был спокоен.

– Что ж им делать у атамана? Нечего, пожалуй, им у него делать. После уж они пойдут к нему... коли захотят.

– А лодка как же? – не уступал Михал.

– Лодка? – переспросил старик. – Что ж лодка? Стоит она там?

– Стоит... – ответил Михал.

– Ну, и пусть её стоит. А утром Ивашка сгонит её к пристани... там её возьмут до Керчи. Больше и нечего делать с лодкой.

Я пристально смотрел на старого чабана и не мог уловить ни малейшего движения на его флегматичном, загорелом и обветренном лице, по которому прыгали тени от костра.

– А не вышло бы греха какого часом... – начал сдаваться Михал.

– Коли ты не дашь воли языку, то греха не должно бы, пожалуй, выйти. А если их довести до атамана, то это, думаю я, беспокойно будет и нам и им. Нам надо своё дело делать, им – идти. – Эй! Далеко ещё вам идти? – спросил старик, хотя я уже говорил ему, как далеко.

– До Тифлиса...

– Много пути! Вот видишь, а – атаман задержит их; а коли он задержит, когда они придут? Так уж пусть же они идут себе, куда им дорога. А?

– А что ж? Пускай идут! – согласились товарищи старика, когда он, кончив свои медленные речи, плотно сжал губы и вопросительно оглянул всех их, крутя пальцами свою сивую бороду.

– Ну, так идите же к богу, ребята! – махнул рукой старик. – А лодку мы отправим на место. Так ли?

– Спасибо тебе, дед! – скинул я шапку.

– А за что ж спасибо?

– Спасибо, брат, спасибо! – взволнованно повторил я.

– Да за что ж спасибо? Вот чудно! Я говорю – идите к богу, а он мне – спасибо! Разве ты боялся, что я к дьяволу тебя пошлю, э?

– Был грех, боялся!.. – сказал я.

– О!.. – и старик поднял брови. – Зачем же мне направлять человека по дурному пути? Уж лучше я его по тому пошлю, которым сам иду. Может быть, ещё встретимся, так уж – знакомы будем. Часом помочь друг другу придется... До свидки!..

Он снял свою мохнатую баранью шапку и поклонился нам. Поклонились и его товарищи. Мы спросили дорогу на Анапу и пошли. Шакро смеялся над чем-то...

VI

– Ты что смеёшься? – спросил я его.

Я был в восхищении от старого чабана и его жизненной морали, я был в восхищении и от свежего предрассветного ветерка, веявшего прямо нам в грудь, и оттого, что небо очистилось от туч, скоро на ясное небо выйдет солнце и родится блестящий красавец-день...

Шакро хитро подмигнул мне глазом и расхохотался ещё сильнее. Я тоже улыбался, слыша его весёлый, здоровый смех. Два-три часа, проведённые нами у костра чабанов, и вкусный хлеб с салом оставили от утомительного путешествия только лёгонькую ломоту в костях; но это ощущение не мешало нашей радости.

– Ну, чего ж ты смеёшься? Рад, что жив остался, да? Жив, да ещё и сыт?

Шакро отрицательно мотнул головой, толкнул меня локтем в бок, сделал мне гримасу, снова расхохотался и, наконец, заговорил своим ломаным языком:

– Нэ панымаишь, почэму смэшно? нэт? Сэчас будишь знать! Знаишь, что я сдэлал бы, когда бы нас павэли к этому атаману-таможану? Нэ знаишь? Я бы сказал про тэбя: он мэня утопить хотэл! И стал бы плакать. Тогда бы мэня стали жалэть и не

Мой спутник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
посадили бы в турму! Панымаишь?

Я хотел сначала понять это как шутку, но – увы! – он сумел меня убедить в серьёзности своего намерения. Он так основательно и ясно убеждал меня в этом, что я, вместо того чтобы взбеситься на него за этот наивный цинизм, преисполнился к нему чувством глубокой жалости. Что иное можно чувствовать к человеку, который с светлейшей улыбкой и самым искренним тоном рассказывает тебе о своём намерении убить тебя? Что с ним делать, если он смотрит на этот поступок как на милую, остроумную шутку?

Я с жаром пустился доказывать Шакро всю безнравственность его намерения.

Он очень просто возражал мне, что я не понимаю его выгод, забываю о проживании по чужому билету и о том, что за это – не хвалят...

Вдруг у меня блеснула одна жестокая мысль...

– погоди, – сказал я, – да ты веришь в то, что я действительно хотел топить тебя?

– нэт!.. Когда ты мэня в воду толкал – вэрил, когда сам ты пошёл – нэ вэрил!

– слава богу! – воскликнул я. – Ну, и за это спасибо!

– нэт, нэ гавари спасыбо! Я тэбэ скажу спасыбо! Там, у костра, тэбэ холодно было, мне холодно было... Чэкмэнь твой, – ты нэ взял его сэбэ. Ты его высушил, дал мне. А сэбэ ничэго нэ взял. Вот тэбэ спасыбо! Ты очэнь хароший человек – я панымаю.

Придём в Тыфлыс, – за всё получишь. К отцу тэбя павэду. Скажу отцу – вот человек!

Карми его, пои его, а мэня – к ишакам в хлэв! Вот как скажу! Жить у нас будэшь, садовником будэшь, пить будэшь вино, естэ чэго хочэшь!.. Ах, ах, ах!.. Очень харашо будэт тэбе жить! Очэнь просто!.. пей, ешь из адной чашка со мной!..

Он долго и подробно рисовал прелести жизни, которую собирался устроить мне у себя в Тифлисе. А я под его говор думал о великом несчастье тех людей, которые, вооружившись новой моралью, новыми желаниями, одиноко ушли вперёд и встречаются на дороге своей спутников, чуждых им, неспособных понимать их... Тяжела жизнь таких одиноких! Они – над землёй, в воздухе... Но они носятся в нём, как семена добрых злаков, хотя и редко сгнивают в почве плодотворной...

Светало. Даль моря уже блестела розоватым золотом.

– я спать хочу! – сказал Шакро.

Мы остановились. Он лёг в яму, вырытую ветром в сухом песке недалеко от берега, и, с головой закутавшись в чекмень, скоро заснул. Я сидел рядом с ним и смотрел в море.

Оно жило своей широкой жизнью, полной мощного движения. Стаи волн с шумом катились на берег и разбивались о песок, он слабо шипел, впитывая воду. Взмахивая белыми гривами, передовые волны с шумом ударялись грудью о берег и отступали, отражённые им, а их уже встречали другие, шедшие поддержать их. Обнявшись крепко, в пене и брызгах, они снова катились на берег и били его в стремлении расширить пределы своей жизни. От горизонта до берега, на всём протяжении моря, рождались эти гибкие и сильные волны и всё шли, шли плотной массой, тесно связанные друг с другом единством цели...

Солнце всё ярче освещало их хребты, у далёких волн, на горизонте, они казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропадало бесследно в этом титаническом движении водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной целью и вот – достигает её этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовых, задорно прыгавших на молчаливый берег, и хорошо было смотреть, как вслед за ними спокойно и дружно идёт всё море, могучее море, уже окрашенное солнцем во все цвета радуги и полное сознания своей красоты и силы...

Из-за мыса, рассекая волны, выплыл громадный пароход и, важно качаясь на взволнованном лоне моря, понёсся по хребтам волн, бешено бросавшихся на его борта.

Красивый и сильный, блестящий на солнце своим металлом, в другое время он, пожалуй, мог бы навести на мысль о гордом творчестве людей, поработающих стихии... Но рядом со мной лежал человек-стихия.

VII

Мы шли по Терской области. Шакро был растрёпан и оборван на диво и был чертовски зол, хотя уже не голодал теперь, так как заработка было достаточно. Он оказался неспособным к какой-либо работе. Однажды попробовал стать к молотилке отгрести солому и через полдня сошёл, натерев граблями кровавые мозоли на ладонях. Другой раз стали корчевать держидерево, и он сорвал себе мотыгой кожу с шеи.

Шли мы довольно медленно, – два дня работаешь, день идёшь. Ел Шакро крайне несдержанно, и, по милости его чревоугодия, я никак не мог скопить столько денег, чтоб иметь возможность приобрести ему какую-либо часть костюма. А у него все части – были сонмищем разнообразных дыр, кое-как связанных разноцветными заплатами.

Однажды в какой-то станице он вытащил из моей котомки с большим трудом, тайно от него скопленные пять рублей и вечером явился, в дом, где я работал в огороде, пьяный и с какой-то толстой бабой-казачкой, которая поздоровалась со мной так:

– Здравствуй, еретик проклятый!

А когда я, удивлённый таким эпитетом, спросил её, – почему же я еретик?

– она с апломбом ответила мне:

– А потому, дьявол, что запрещаешь парню женский пол любить! Разве ты можешь запрещать, коли закон позволяет?.. Анафема ты!..

Шакро стоял рядом с ней и утвердительно кивал головой. Он был очень пьян и когда делал какое-либо движение, то весь развинченно качался. Нижняя губа у него отвисла. Тусклые глаза смотрели мне в лицо бессмысленно-упорно.

– Ну, ты, чего ж вытарачил zenки на нас? Давай его деньги! – закричала храбрая баба.

– Какие деньги? – изумился я.

– Давай, давай! А то я тебя в войсковую сведу! Давай те полтора рубля, что взял у него в Одессе!

Что мне было делать? Чёртова баба с пьяных глаз в самом деле могла пойти в войсковую избу, и тогда станичное начальство, строгое к разному странствующему люду, арестовало бы нас. Кто знает, что могло выйти из этого ареста для меня и Шакро!

И вот я начал дипломатически обходить бабу, что, конечно, стоило не больших усилий.

Кое-как при помощи трёх бутылок вина я умиротворил её. Она свалилась на землю между арбузов и заснула. Я уложил Шакро, а рано утром другого дня мы с ним вышли из станицы, оставив бабу с арбузами.

Полубольной с похмелья, с измятым и опухшим лицом, Шакро ежеминутно плевался и тяжело вздыхал. Я пробовал разговаривать с ним, но он не отвечал мне и только поматывал своей кудлатой головой, как баран.

Мы шли узкой тропинкой, по ней взад и вперёд ползали маленькие красные змейки, извиваясь у нас под ногами. Тишина, царившая вокруг, погружала в мечтательно-дремотное состояние. Следом за нами по небу медленно двигались чёрные стаи туч. Сливаясь друг с другом, они покрыли всё небо сзади нас, тогда как впереди оно было ещё ясно, хотя уже клочья облаков выбежали в него и резво

Мой спутник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
неслись куда-то вперёд, обгоняя нас.

Далеко где-то рокотал гром, его ворчливые звуки всё приближались. Падали капли дождя. Трава металлически шелестела.

Нам негде было укрыться. Вот стало темно, и шелест травы зазвучал громче, испуганно. Грянул гром – и тучи дрогнули, охваченные синим огнём. Крупный дождь полился ручьями, и один за другим удары грома начали непрерывно рокотать в пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами ветра и дождя, ложилась на землю. Всё дрожало, волновалось.

Молнии, слепя глаза, рвали тучи.. В голубом блеске их вдали вставала горная цепь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молнии гасли, она исчезала, как бы проваливаясь в тёмную пропасть. Всё гремело, вздрагивало, отталкивало звуки и родило их. Точно небо, мутное и гневное, огнём очищало себя от пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него с земли, и земля, казалось, вздрагивала в страхе пред гневом его.

Шакро ворчал, как испуганная собака. А мне было весело, я как-то приподнялся над обыкновенным, наблюдая эту могучую мрачную картину степной грозы. Дивный хаос увлекал и настраивал на героический лад, охватывая душу грозной гармонией...

И мне захотелось принять участие в ней, выразить чем-нибудь переполнившее меня чувство восхищения перед этой силой. Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горело и в моей груди; и – чем мне было выразить моё великое волнение и мой восторг?

Я запел – громко, во всю силу. Ревел гром, блистали молнии, шуршала трава, а я пел и чувствовал себя в полном родстве со всеми звуками... Я – безумствовал; это простительно, ибо не вредило никому, кроме меня. Буря на море и гроза в степи! – Я не знаю более грандиозных явлений в природе.

Итак, я кричал, будучи твёрдо уверен, что не обеспокою никого таким поведением и никого не поставлю в необходимость подвергнуться строгой критике мой образ действий. Но вдруг меня сильно дернуло за ноги, и я невольно сел в лужу...

В лицо мне смотрел Шакро серьёзными и гневными глазами.

– Ты сошел с ума? Нэ сошел? Нэт? Ну, за-амалчи! Нэ кричи! Я тэбэ разорву глотку! Панымайшь?

Я изумился и сначала спросил его, чем я ему мешаю...

– Пугаишь! Понял? Гром гремит – бог гаворит, а ты арэшь... Что ты думаишь?

Я заявил ему, что я имею право петь, если хочу, равно как и он.

– А я нэ хачу! – категорически сказал он.

– Не пой! – согласился я.

– И ты нэ пой! – строго внушал Шакро.

– Нет, я уж лучше буду...

– Послушай, – что ты думаишь? – гневно заговорил Шакро. – Кто ты такой?

Есть у тэбэ дом? Есть у тэбэ мать? Отэц? Есть родные? Зэмли? Кто ты на зэмле? Ты – человек, думаишь? Это я человек! У менэ всё есть!.. – Он постукал себя в грудь.

– Я кнэзь!.. А ты... ты – нычего! Нычего нэт! А мэнэ знаит Кутаис, Тыфлыс!.. Панымайшь?

Ты нэ иди протыв мэнэ! Ты мне служишь? – Будьшь доволен! Я заплачу тэбэ дэсять раз!

Ты так дэлаешь мне? Ты нэ можишь дэлать иное; ты сам гаварыл, что бог вэлел

Мой спутник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
служить всем бэз награда! Я тэбэ награжу! Зачэм ты мэнэ мучаишь? Учишь, пугаишь?
Хочешь, чтобы я был как ты? Это нэ харашо! Эх, эх, эх!.. Фу, фу!..

Он говорил, чмокал, фыркал, вздыхал.. Я смотрел ему в лицо, разинув рот от изумления. Он, очевидно, выливал предо мной все возмущения, обиды и недовольства мною, накопленные за всё время нашего путешествия. Для вящей убедительности он тыкал мне пальцем в грудь и тряс меня за плечо, а в особенно сильных местах налезал на меня всей своей тушей. Нас поливал дождь, над нами непрерывно грохотал гром, и Шакро, чтоб быть услышанным мною, кричал во всё горло.

Трагикомизм моего положения выступил предо мной яснее всего и заставил меня расхохотаться что было моих сил..

Шакро, плюнув, отвернулся от меня.

VIII

...Чем ближе мы подходили к Тифлису, тем Шакро становился сосредоточеннее и угрюмее. Что-то новое появилось на его исхудалом, но всё-таки неподвижном лице.

Недалеко от Владикавказа мы зашли в черкесский аул и подрядились там собирать кукурузу.

Проработав два дня среди черкесов, которые, почти не говоря по-русски, беспрестанно смеялись над нами и ругали нас по-своему, мы решили уйти из аула, испуганные всё возрастающим среди аульников враждебным отношением к нам. Отойдя вёрст десять от аула, Шакро вдруг вытащил из-за пазухи свёрток лезгинской кисеи и с торжеством показал мне, воскликнув:

– Больши нэ надо работать! Продадым – купым всего! Хватыт до Тыфлыса!

Панымаишь?

Я был возмущён до бешенства, вырвав кисею, бросил её в сторону и оглянулся назад. Черкесы не шутят. Незадолго пред этим мы слышали от казаков такую историю: один босяк, уходя из аула, где работал, захватил с собой железную ложку. Черкесы догнали его, обыскали, нашли при нём ложку и, распоров ему кинжалом живот, сунули глубоко в рану ложку, а потом спокойно уехали, оставив его в степи, где казаки подняли его полуживым. Он рассказал это им и умер на дороге в станицу. Казаки не однажды строго предостерегали нас от черкесов, рассказывая поучительные истории в этом духе, – не верить им я не имел основания.

Я стал напоминать Шакро об этом. Он стоял предо мной, слушал и вдруг, молча, оскалив зубы и сощуриив глаза, кошкой бросился на меня. Минут пять мы основательно колотили друг друга, и, наконец, Шакро с гневом крикнул мне:

– Будэт!..

Измученные, мы долго молчали, сидя друг против друга... Шакро жалко посмотрел туда, куда я швырнул краденую кисею, и заговорил:

– За что дрались? Фа, фа, фа!.. Очэнь глупо. Развэ я у тэбэ украл? Что тэбэ – жалко? Минэ тэбэ жалко, патаму и украл... Работаишь ты, я нэ умэю... Что минэ делать? Хотэл помочь тэбэ...

Я попытался объяснить ему, что есть кража...

– Пожалуйста, ма-алчи! У тэбэ галава как дерево... – презрительно отнёсся он ко мне и объяснил: – Умирать будишь – воровать будишь? Ну! А развэ это жизнь?

Малчи!

Боясь снова раздражить его, я молчал. Это был уже второй случай кражи. Ещё раньше, когда мы были в Черноморье, он стащил у греков-рыбаков карманные весы.

Тогда мы тоже едва не подрались.

– Ну, – идём далшэ? – сказал он, когда оба мы несколько успокоились, примирились

и отдохнули.

Пошли дальше. Он с каждым днём становился всё мрачней и смотрел на меня странно, исподлобья. Как-то раз, когда мы уже прошли Дарьяльское ущелье и спускались с Гудаура, он заговорил:

– Дэнь-два пройдёт – в Тыфлыс придём. Цце, цце! – почмокал он языком и расцвёл весь. – Приду домой, – гдэ был? Путэшеествовал! В баню пайду... ага! Есть буду много... ах, много! Скажу матери – очэнь хачу есть! Скажу отцу – просты мэнэ! Я видэл мынога горя, жизнь видэл, – разный! Босяки очэнь харроший народ! Встрэчу когда, дам рубль, павэду в духан, скажу – пей вино, я сам был босяк! Скажу отцу про тэбэ... Вот человек, – был минэ как старший брат... Учил мэнэ. Бил мэнэ, собака!.. Кормил. Тэперь, скажу, корми ты его за это. Год корми! Год корми – вот сколько! Слышишь, Максым?

Я любил слушать, когда он говорил так; он приобретал в такие моменты нечто простое и детское. Такие речи были мне и потому интересны, что я не имел в Тифлисе ни одного человека знакомого, а близилась зима – на Гудауре нас уже встретила вьюга. Я надеялся немного на Шакро.

Мы шли быстро. Вот и Мцхет – древняя столица Иберии. Завтра придём в Тифлис.

Ещё издали, вёрст за пять, я увидел столицу Кавказа, сжатую между двух гор.

Конец пути! Я был рад чему-то, Шакро – равнодушен. Он тупыми глазами смотрел вперёд и сплёвывал в сторону голодную слюну, то и дело с болезненной grimасой хватаясь за живот. Это он неосторожно поел сырой моркови, нарванной по дороге.

– Ты думаешь, я – грузински дыварянин – пайду в мой город днём такой, рванный, грязный? Нэ-эт!.. Мы падаждем вэчера. Стой!

Мы сели у стены какого-то пустого здания и, свернув по последней папироске, дрожа от холода, закурили. С Военно-Грузинской дороги дул резкий и сильный ветер.

Шакро сидел, напевая сквозь зубы грустную песню... Я думал о тёплой комнате и других преимуществах осёдлой жизни пред жизнью кочевой.

– Идём! – поднялся Шакро с решительным лицом. Стемнело. Город зажигал огни.

Это было красиво: огоньки постепенно, один за другим, выпрыгивали откуда-то во тьму, окутавшую долину, в которую спрятался город.

– Слушай! ты дай мэнэ этот башлык, чтоб я закрыл лицо... а то узнают мэнэ знакомые, может быть...

Я дал башлык. Мы идём по Ольгинской улице. Шакро насвистывает нечто решительное.

– Максым! Видишь станцию конки – Верийский мост? Сыди тут, жди!

Пожалуста, жди! Я зайду в адын дом, спрошу товарища про своих, отца, мать...

– Ты недолго?

– Сэйчас! Адын момэнт!..

Он быстро сунулся в какой-то тёмный и узкий переулочек и исчез в нём – навсегда.

Я никогда больше не встречал этого человека – моего спутника в течение почти четырёх месяцев жизни, но я часто вспоминаю о нём с добрым чувством и весёлым смехом.

Он научил меня многому, чего не найдёшь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, – ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Мой спутник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!